

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я оставил Итаку, чтобы узнать о жребии
отца своего.

*Франсуа Фенелон. Телемак.
Перевод Ф. Лубяновского*

Заметка из газеты «Боунвильский курьер» от 27 апреля 1858 года.

Недавно мальчик десяти лет, живущий в окрестностях Боунвиля, на пути домой попал в грозу. Едва он укрылся от непогоды под большим дубом, как в дерево ударила молния. Мальчик без чувств упал на землю, а вся его одежда обратилась в пепел. Но в тот день фортуна улыбнулась ему: свидетелем несчастья оказался отец мальчика, который не растерялся и сумел оживить сына с помощью мехов для раздувания огня. В дальнейшем ребенок полностью оправился и никак не пострадал от происшествия, однако молния оставила ему необычный сувенир — на его спине отпечатались силуэт дерева! В последние годы задокументировано уже несколько таких «дагеротипов молнией», являющих собой очередную научную загадку.

Та моя встреча с молнией вдохновила Па на изучение фотографической премудрости, из-за которой все и началось.

Па и раньше интересовался фотографией, ведь родом он из Шотландии, где это искусство процветает. Он пробовал делать дагеротипы, когда только обосновался в Огайо — в краю, богатом минеральными источниками (откуда добывают бром, важный компонент проявочного процесса). Но дагеротипия — дорогостоящее занятие, приносящее очень скромную прибыль, и Па не смог продолжать дело. «У людей нет денег на изящные сувениры», — рассудил он. Вот почему он стал сапожником. «Зато сапоги всегда нужны», — говорил Па. Его специальностью были кожаные веллингтоны с низким голенищем, причем в каблуках он устраивал потайное отделение для хранения табака или складного ножика. Сапоги с тайником пользовались большим спросом, так что мы неплохо жили за счет заказов. Работал Па в мастерской рядом с хлебом и раз в месяц ездил в Боунвиль с целой повозкой обуви. Повозку тянул наш мул по кличке Мул.

Но после того как молния отпечатала у меня на спине силуэт дуба, Па вновь направил свое внимание

на фотографирование. Он был убежден, что изображение на моей коже возникло в результате тех же химических реакций, на которых основан фотографический процесс. «Человеческое тело, — говорил он мне, смешивая вещества, которые пахли яблочным уксусом и тухлыми яйцами, — есть сосуд для тех же загадочных субстанций, объект тех же физических законов, что и вся остальная вселенная. Если изображение под воздействием света может фиксироваться на твоём теле, значит такое же воздействие зафиксирует изображение и на бумаге». И поэтому его теперь привлекала не дагеротипия, а только что изобретенная форма фотографирования, где бумагу смачивали в растворе солей железа, а потом переносили на нее посредством света позитивное изображение со стеклянного негатива.

Па быстро освоил новый метод — коллодионный процесс — и прославился своим доселе невиданным ремеслом на всю округу. Неустанно экспериментируя, не боясь неудач, он научился делать снимки невероятной красоты. Эти ферротипы (такой термин придумал для них Па) не обладали четкостью дагеротипов, напротив — они состояли из тонких переходов света и тени, чем напоминали рисунки углем. Па разработал собственную формулу светочувствительной эмульсии и запатентовал ее, после чего смог открыть ателье в Бонвиле, недалеко от здания суда. И моментально в наших краях вспыхнуло повальное увлечение его портретами на покрытой железистым порошком бумаге, ибо стоили они несравнимо дешевле дагеротипов и могли воспроизводиться с одного негатива бесчисленное количество раз. Чтобы сделать снимки еще привлека-

тельнее и получить плату за дополнительную услугу, Па раскрашивал их цветными пигментами, замешанными на яйце, отчего портреты обретали поразительное сходство с оригиналом. В ателье отовсюду съезжались люди, желающие сделать у Па свою фотографию. Одна богатая леди приехала из самого Акрона. Я помогал Па в ателье, устанавливал освещение и чистил фокусирующие пластины. Несколько раз Па даже позволил мне полировать новую линзу для портретной съемки, которая была самым крупным нашим вложением в дело и требовала деликатнейшего обращения. И постепенно обстоятельства складывались так, что Па стал подумывать о продаже сапожного дела. По его собственному выражению, «запахи фотографических составов все же приятнее вони чужих ног».

Но тут спокойное течение нашей жизни нарушилось раз и навсегда предрассветным визитом троих всадников, вороного жеребца и пони с белой отметиной на морде.

В ту ночь меня разбудил Митиваль.

— Сайлас, просыпайся! Сюда кто-то едет!

Я бы солгал, сказав, что тревога в его голосе заставила меня тут же вскочить с постели. Ничего подобного. Я пробормотал что-то невнятное и зарылся поглубже в одеяло. Тогда он как следует ткнул меня в бок, что для него непростая задача. Призраки не слишком приспособлены для физического воздействия в материальном мире.

— Дай мне поспать, — недовольно буркнул я.

Но тут у входной двери завыл Аргус, словно дух смерти банши, и клацнул металл — это Па взвел курок ружья. Я выглянул из оконца рядом с кроватью, однако в ночной темноте не было видно ни зги.

— Их трое, — сказал Митиваль, глядя в то же окно поверх моего плеча.

— Па! — позвал я и спустился с чердака, где была устроена моя комнатка.

Он уже был в сапогах и всматривался в чернильную тьму через окно, выходящее на улицу.

— Сайлас, не высовывайся! — остановил он меня.

— Зажечь лампу?

— Нет. Ты видел что-нибудь из своего окна? Сколько их? — спросил Па.

— Сам я не видел, но Митиваль говорит, что их трое.

— С ружьями, — уточнил Митиваль.

— И у них ружья, — добавил я. — Па, что им тут надо?

Па не ответил. Теперь до нас донесся стук копыт, и он приближался. Держа ружье наготове, Па приоткрыл дверь. Потом он набросил на плечи пальто и обернулся ко мне.

— Из дома не выходи, Сайлас, что бы ни случилось, — произнес он строго. — А если что, беги к Хавлоку. Через заднюю дверь, полями. Слышишь?

— Но ты же не пойдешь к ним?

— Придержи пса, — вместо ответа сказал он. — Не выпускай его из дома.

Я надел на Аргуса ошейник.

— Па, ты же не пойдешь туда? — повторил я вопрос, сам не свой от испуга.

Он опять не стал отвечать, открыл дверь и вышел на крыльцо, направив ружье на приближающихся всадников. Он был смелым человеком, мой Па.

Я подтянул Аргуса поближе, потом пробрался на четвереньках к окну и осторожно выглянул. К дому подъехали трое, все верхом, как и говорил Митиваль. Один из них вел за собой четвертую лошадь — огромного вороного жеребца, а следом скакала пятая лошадка — невысокая, с белой отметиной во всю морду.

Незнакомцы заметили ружье в руках Па и натянули поводья, притормаживая коней. Вожак тройцы, муж-

чина в желтом плаще, остановил своего коня и вскинул руки вверх в знак мирных намерений.

— Эй, спокойно! — крикнул он моему Па, находясь всего в сорока футах от нашего крыльца. — Можете опустить ружье, мистер. Я приехал с миром.

— Сначала вы свое оружие опустите, — ответил Па, не убирая ружья от плеча.

— Мое? — Мужчина с показным удивлением посмотрел на свои пустые руки, затем огляделся и только потом будто в первый раз заметил ружья у своих спутников. — Парни, спрячьте стволы! Вы производите дурное впечатление. — Он снова обернулся к Па. — Сожалею, что так вышло. Ничего такого они не имели в виду. Всего лишь привычка.

— Кто вы? — спросил Па.

— А вы Мак Боут?

Па мотнул головой:

— Кто вы такие? И с какой стати примчались сюда посреди ночи?

Мужчина в желтом плаще, казалось, вовсе не боялся наведенного на него ружья. В темноте деталей было не разглядеть, но я прикинул, что он будет пониже моего Па (мало кто в целом Боунвиле мог похвастаться ростом, как у Па). И помоложе. На голове у него красовался котелок, как подобало бы джентльмену, хотя, на мой взгляд, никаким джентльменом он не был. Он был вылитый разбойник. С остроконечной бородкой.

— Ну же, зачем так волноваться, — беспечно сказал он. — Мы с парнями думали прибыть сюда к рассвету, да вот получилось раньше. Я Руф Джонс, а это Себ Мортон и Эбен Мортон. Не пытайтесь понять, кто

из них кто, это невозможно. — (Только тогда я заметил, что два нескладных великана за спиной жоака были точной копией друг друга и на их круглых, как луна, головах сидели одинаковые широкополые котелки с лентой на тулье.) — Мы к вам приехали с весьма интересным деловым предложением от нашего босса, мистера Роско Оллереншоу. Вы, конечно же, слышали о нем?

Па ничего на это не ответил.

— Во всяком случае, о вас, Мак Боут, мистер Оллереншоу весьма наслышан, — продолжил Руф Джонс.

— Кто такой Мак Боут? — прошептал мне на ухо Митиваль.

— Не знаю я никакого Мака Боута, — сказал Па из-за ружейного приклада. — Меня зовут Мартин Бёрд.

— Конечно, — легко согласился Руф Джонс. — Мартин Бёрд, фотограф. Мистер Оллереншоу отлично знаком с вашей работой! Потому-то он и послал нас к вам, понимаете? У него есть деловое предложение, которое он хотел с вами обсудить. Ради этого мы проделали долгий путь. Не пригласите ли нас в дом? Мы всю ночь в седле. Я продрог до костей. — И он поднял воротник плаща, демонстрируя, как ему холодно.

— Если хотите поговорить о бизнесе, то приходите в мое ателье в дневное время, как принято среди цивилизованных людей, — заявил на это Па.

— И почему вы говорите со мной в таком тоне?! — воскликнул Руф Джонс, словно недоумевая. — Природа нашего дела требует некоторой приватности, только и всего. Мы не желаем вреда ни вам, ни вашему мальчугану Сайласу. Это ведь он прячется за тем окном, верно?

Не буду скрывать: от страха у меня сдавило горло и я вжался в стену под окном. Митиваль, стоящий у меня за спиной, пригнул меня еще ниже к полу. Но вскоре я не выдержал и снова приник к стеклу.

— У вас пять секунд, чтобы убраться с моей земли, — отчеканил Па, и по его голосу я понял, что он говорит серьезно.

Однако Руф Джонс как будто не услышал угрозы в словах моего Па, ибо в ответ рассмеялся.

— Эй, потише, не сердитесь так, — благодушно сказал он. — Нас послал мистер Оллереншоу, вот поэтому мы тут. Как я уже говорил, он не желает вам ничего плохого. Напротив, он хочет помочь вам. Он просил передать, что это дело принесет вам много денег. «Целое состояние», вот его точные слова. А от вас требуется только потерпеть небольшое неудобство. Неделя работы — и вы богатый человек. Мы даже привели с собой лошадей для вас! Вот этого здорового жеребца вам, а того симпатягу — вашему мальцу. Мистер Оллереншоу коллекционирует лошадей, знаете ли, и он оказывает вам большую честь, одалживая своих лучших скакунов.

— Меня это не интересует. У вас осталось три секунды, — ответил Па. — Две...

— Хорошо! Хорошо! — воскликнул Руф Джонс и замахал руками. — Мы уедем. Не нервничайте так! Поехали, парни.

Он, дернув поводьями, стал разворачивать своего коня, и близнецы последовали его примеру, ведя за собой двух лошадей без седоков. И вот они уже двинулись прочь от нашего дома обратно в глухую ночь. Но

всего через несколько шагов Руф Джонс остановился. Он раскинул руки в стороны наподобие распятия, чтобы показать, что не вооружен. Потом посмотрел через плечо на Па.

— Но завтра мы вернемся, — предупредил он, — и приведем с собой гораздо больше людей. По правде говоря, мистер Оллереншоу не из тех, кто легко сдается. На этот раз я пришел мирно, но не могу обещать, что завтра все будет так же. Мистер Оллереншоу... как бы это сказать... он знает, чего хочет.

— Я позову шерифа, — пообещал Па.

— В самом деле, мистер *Боум*? — хищно усмехнулся Руф Джонс, в его голосе не осталось и следа былой бойкости.

— Моя фамилия Бёрд, — поправил его Па.

— Точно. Мартин Бёрд, фотограф из Боунвиля, который живет на отшибе со своим сыном Сайласом Бёрдом.

— Убирайтесь! — глухо проронил Па.

— Ладно, — ответил Руф Джонс, но не пришпорил коня.

Затаив дыхание, я следил за происходящим. Митиваль стоял рядом. Прошло несколько секунд. Никто не двинулся с места и не произнес ни слова.